

Не так часто знаменитый актер дает интервью у себя дома.

И, может быть, впервые разговор зашел не о кино, а о нем самом.

“Я — Рембэби!”

СИЛЬВЕСТР СТАЛЛОНЕ

За десять лет имидж Сталлоне изменился. Из отекшего верзилы он превратился в интеллектуала. Заслуга пластической хирургии или подлинный духовный рост?

Корреспондент: Вы образованный человек, интересная личность, рисуете картины, пишете, увлечены искусством и музыкой. Почему же часть публики вос-

принимает вас как неуча?

Сильвестр Сталлоне: Мне тоже приходится слышать по своему адресу: “О, вы совсем не такой, каким я себе представлял(а)!” Меня это сильно задевает, поскольку я от природы человек с развитым чувством самоуважения. Не понимаю, с чего это меня принимают за тупого верзилу.

— Не предполагаете ли вы оставить кино и посвятить себя литературе?

— Я об этом думал и думаю иногда. Но когда пишешь — полностью открываешь себя, свою душу, сердце — и таким образом становишься уязвимым. Актер все же прячется за чужим текстом. А перед своим начинаешь испытывать страх, так как спрятаться не за кого, ты имеешь тут дело с собственными просчетами и неудачами.

— Неужели вам знакомо чувство страха?

— Как всем нормальным людям! Но я все равно иду напролом, и иногда исход бывает неудачным, а иногда настойчи-

“Я оптимист и в глубине души надеюсь, что рано или поздно встречу женщину, которая будет бескорыстна. Может, тогда наши отношения и выльются во что-то серьезное. А пока во мне видят только богатого баловня.”

вость вознаграждается. Мне кажется, что “объективные” страхи всегда преодолимы. Самые опустошительные — страхи субъективные. Раньше казалось, что все вокруг мне желают только добра. Как же я был наивен! Последние события заставили меня переучиваться, становиться циничнее, круче, осторожнее.

— Из того, что вами достигнуто, чем вы наиболее гордитесь?

— При помощи кино я показал возможности человека, его силу, способность преодолевать любые трудности. И мне приятна мысль, что то, что я создал, меня переживает.

— Вы верите в реинкарнацию?

— Да. И в своем последующем воплощении хотел бы стать... вороной. Точнее, вороном. Тихо и умиротворенно сесть в поле, наблюдать жизнь — и упаси, Господи, иметь дело с людьми! Конечно, ворон уродлив, но он умен. Он полон тайн, и мне особенно нравится, что воронов невозможно поймать...

— Вы ощущаете себя суперзвездой?

— Вероятно навсегда в глубине души я останусь парнем с улицы. К несчастью, в своем нынешнем положении я уже не могу прогуливаться просто так, где вздумается. Я живу, как в

стеклянном пузыре. Куда бы ни пошел — я на виду, под прицелом досужего внимания и критики. Сегодня меня возносят, завтра дают пинка... Все это удручает.

— Смогли бы вы обойтись без славы?

— Слава — это наркотик. Чем больше его употребляешь, тем больше хочется. Но стоит остановиться, как тотчас же начинается угнетать другой страх — оказаться в забвении. И это отравляет. Люди нашей профессии хотят, чтобы их все и постоянно любили. Поэтому обычно двум актерам трудно ужиться под одной крышей — постоянно идет драка за более выгодное место перед зеркалом.

— Вы всегда утверждали, что “актер живет дважды”...

— Жизнь артиста в созидании, в творчестве, в игре. Даже если его лишь слегка отстраняют — все, он внутренне умирает. Он чувствует себя покинутым, брошенным на произвол судьбы, одиноким и ненужным. Нас всех ждет смерть, а у актера их больше одной, естественной и неизбежной. Его душа хрупка и болезненна. Конечно, мы все хотим быть героями, смельчаками, производить только шедевры, найти лекарство от СПИДа, но, к сожалению, возможности наши во многом ограничены. Лично я свои — знаю. Я совершил много ошибок, и поэтому теперь учусь

контролировать свое “эго”, избегать унижения...

— Вы богаты, известны, влиятельны. Чего вам не хватает?

— Я бы хотел попробовать сыграть такую роль, которая помогла бы мне вырваться за рамки самого себя, дойти до бреда, до безумия. Хотелось бы испуганно сказать самому себе: “Моя плоть, кровь и моя душа, все хорошее и плохое во мне до последнего отдано роли”. И пусть это будет всего одна роль, но я бы все сделал, чтобы таковым увидеть себя на экране!

— Не собираетесь ли вы как-то наладить свою личную жизнь?

— Я не хотел бы опять сковывать себя узами брака. Но лучше избегать слова “никогда”... Я не знаю ответа на этот вопрос.

— Почему?

— Потому, что пока все мои браки оказывались неудачными. Период с 1984 по 1989 годы был для меня самым страшным. Особенно ужасен брак и развод с Бригитте Нильсен. Я был высмеян и осрамлен прессой. Видимо, на женитьбу надо решаться только тогда, когда твой партнер тебе так же знаком, как ты сам. Ведь человек всегда показывает свое истинное лицо в тяжелых ситуациях. Я не спешу теперь. Посмотрим.

— Вы задавали себе вопрос, что с вами случилось бы вне кинематографа?

— Скорее я пустил бы себе пулю в лоб, нежели стал бы чиновником! Думаю, посвятил бы свою жизнь животным. А вообще я очень ценю свободу. Когда молодые люди задают мне подобные вопросы, я обычно отвечаю: “Найдите себе такую профессию, даже если она будет недостаточно оплачиваемой, которая приносила бы вам искреннюю радость. И занимайтесь ею, наслаждаясь. Вы страстно должны любить то, что делаете,

и каждый раз просыпаться утром с энтузиазмом, надеждой, улыбкой. И никогда-никогда не прекращать думать, действовать и жить, как ребенок”.

— Вы это относите и к себе?

— О, да, я по-прежнему еще ребенок. Я — Рембэби.

По материалам парижского корпункта “Видео-Асс”